

Арлин Форман

Манхэттенские воспоминания

В 1970-х у папы была американская машина, которую мы с сестрами непочтительно называли свиномобиль. В годы подскочивших чуть не до небес цен на бензин мы были, как говорится, скандализированы непомерным количеством горючего, которое пожирало это чудовище. Его импозантный вес и двухцветный экстерьер (белая крыша с крашеными под золото шасси, блестящее хромовое покрытие) усиливали наше убеждение, что только свиньи, которым плевать на экологию, могут гордиться такой прожорливой мерзостью. И лишь такое событие, как визит Арсения Рогинского, позволил мне увидеть это ненавистное нам авточудовище в ином свете.

Разумеется, это случилось не в 70-х, когда я жила в Нью-Йорке, а позже. В 1979 г., когда мы познакомились в Ленинграде, поездка из СССР в США (не считая отъезда навсегда, в эмиграцию) была все равно что на Марс. И дальнейшие события – Сенин арест, суд, пребывание в лагере делали нереальное и вовсе невообразимым. Никто и не помышлял, что вдруг окажется возможным «сказку сделать былью».

И все же в один прекрасный день, уже в 90-х, я услышала, что Марк фон Хаген пригласил Сеню выступить в Колумбийском университете. Я в это время жила в Бостоне и, сидя у себя, пыталась вообразить, каким же он увидит Нью-Йорк: Батлеровскую библиотеку, Гарримановский институт Колумбийского университета, короче, всю эту цитадель науки и академических знаний. Все это прекрасно, но вряд ли в итоге он хоть что-нибудь по-настоящему поймет в моем городе. Узнав, какие дни у Сени будут свободны, я вскочила в машину и рванула в Нью-Йорк – домой, к родителям. Всю дорогу я думала, что в городе ему показать, какие места можно втиснуть в ту пару суток, когда он там будет, что вообще тут может сравниться с тем, что мы пережили вместе в Ленинграде: разговоры часами – и на кухне на проспекте Гагарина, и в продыmlенной курилке Публичной библиотеки, и в кино, и на охоте за детским питанием, бананами и прочим дефицитом...

Концерты и театр я сразу отменяла – слишком мало времени. Мне казалось, что Сене надо прикоснуться, попробовать на зуб, прожить, почуять на своей шкуре и темп, и ритм, и фактуру американской жизни. Моя экономичная малолитражка для этого совсем не годилась. В этой консервной банке с двумя дверьми и четырьмя цилиндрами ни за что не передашь американскую одержимость дорогой, ездой. Обменявшись машинами с папой на этот уикенд, я выехала на встречу с Сеней в подлинно американском восьмицилиндровом четырехдверном бегемоте. И все то, чего я раньше видеть не могла без бешенства – тяжелая мощная громадина, роскошный экстерьер, кожаные сиденья, – теперь горделиво превозносило экспансивный дух автомобилестроения Среднего Запада и пело гимн свободе передвижения.

Сеня мгновенно «кlyнул» и восхитился показным шармом этого монстра. На пути к нижней части Ист-Сайда (отчасти – экскурсии по центру восточноевропейской эмиграции начала XX в., отчасти – месту всяких редкостных покупочных приобретений) он пребывал в восторге и восхищался моим умением маневрировать в потоке машин, автобусов и громадных грузовиков, глазел на здания, на толпы встречных пешеходов и на тех, кого мы обгоняли. По возвращении он заявил, что машина эта – «наша», и полюбопытствовал, куда еще можно будет на ней поехать в следующий раз.

Далее «наша машина» доставила нас на 11-ю авеню, по которой мы медленно проехали вдоль сверкающих витрин ряда автодилерских бюро. Мы глазели на блестящие новые автомарки в убеждении, что такое доступно лишь немногим. Затем мы проследовали к более доступным удовольствиям и полюбовались вестсайдскими девчонками, курсирующими среди автомобилей, на которых отцы семейств направлялись домой, в свои пригородные коттеджи – лучшей иллюстрации к словам «Нью-Йорк – город контрастов» не найти.

Тем, кому покажется, что эта экскурсия была сплошной безвкусицей, сообщаю, что следующая была и того хуже. Перебрав мысленно тысячи разных гастрономических, кулинарных и гурманских мест Большого Яблока, я спросила Сеню, не хочет ли он познакомиться с одной из местных забегаловок. Не подумайте плохого, я не пыталась соблазнить Сеню помоями Макдональдса. Первый Макдональдс был открыт в Москве еще в 90-м, и тысячи советских (а затем и российских) граждан уже были знакомы с его прелестями. Я предложила такое место, с которым он тогда у себя дома знаком быть не мог – Бюргер Кинг (т.е. король гамбургеров). Нагрузившись нашим заказом на вынос – забрав гамбургеры-вопперы, бумажные мешочки с жареным картофелем фри и луковые колечки, прихватив запечатанные пластиковые стаканчики с молочным коктейлем (молоко там, конечно, и не ночевало), мы со всеми этими королевскими кушаньями вернулись к машине, уселись и приступили к обеду на ходу, проезжая мимо Ист-Сайда, восхищаясь огнями Манхэттена, набирая скорость по мере приближения к скоростной трассе ФДР (в честь Франклина Делано Рузвельта), чтобы полюбоваться рекой, набережной Гудзона и панорамой города под звездным небосклоном. Эта поездка в никуда так и осталась самым дорогим моим воспоминанием об этом первом Сенином приезде в Нью-Йорк, и я часто вспоминаю ее, когда еду одна, ночью при звездах.

С годами зарубежные поездки стали привычным делом для Арсения Борисовича, и, работая в Мемориале, он встречался с различными умными и заслуженными знаменитостями. Эти встречи он, конечно, помнит. Но мне хочется думать, что в его памяти найдется уголок, где сохраняются впечатления от тех импровизированных приключений с папиным свиномобилем.